

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 327.56

Соперничество США и Китая как фактор развития современных российско-американских отношений

И. А. Цветков

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Цветков И. А.* Соперничество США и Китая как фактор развития современных российско-американских отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2019. Т. 12. Вып. 4. С. 406–421.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.401>

История развития российско-американских отношений в XX–XXI вв. показывает, что длительные периоды конфронтации между двумя странами лишь на короткое время сменялись периодами сотрудничества и взаимопонимания. Временная нормализация российско-американских отношений наблюдалась в периоды глобальных кризисов, причем чем серьезнее был такой кризис, тем успешнее развивалось сотрудничество Москвы и Вашингтона. В данной статье рассмотрены факторы, которые способствовали и способствуют превращению конфликта в привычное и даже нормативное состояние отношений между Россией и США. Наряду с этим проведен анализ изменений международной обстановки в новейший период, особое внимание уделено осложнению американо-китайских отношений в период президентства Д. Трампа. Выдвинуто предположение о том, что в настоящее время только воздействие внешних факторов способно нарушить сложившийся конфликтный баланс в отношениях России и США. То, каким образом изменится этот баланс: в сторону дальнейшего углубления и без того серьезных противоречий, с перспективой вовлечения России в новое глобальное противостояние между США и Китаем, либо в сторону улучшения отношений и укрепления международной безопасности — будет зависеть от внешнеполитических стратегий, избранных лидерами США, Китая и России. Стратегией, в наибольшей степени

учитывающей интересы всех вовлеченных сторон, автор считает создание максимально широкой международной коалиции, направленной на предотвращение конфликтного сценария развития американо-китайских отношений. Для ее реализации Россия должна стремиться к скорейшему урегулированию конфликтов с соседями, восстановлению нормальных рабочих отношений со странами Запада, приобретению репутации ответственного и умеренного в политических подходах участника международной системы.

Ключевые слова: российско-американские отношения, американо-китайские отношения, российско-китайские отношения, борьба за глобальное лидерство.

В течение двух с половиной лет, прошедших со дня инаугурации Д. Трампа, российско-американские отношения продолжили движение по нисходящей линии. Периодические заявления американского президента о возможности и даже необходимости налаживания связей с Кремлем не помешали глубокой институционализации конфликта, зреющего еще с рубежа XX–XXI вв. и вышедшего на поверхность в 2012–2014 гг., в период президентства Барака Обамы. Развитие событий показало, что формат стратегического соперничества не только не смущает политические элиты двух стран, но, напротив, в наибольшей степени соответствует их представлениям о национальных интересах и месте США и России в современной системе международных отношений.

Отношения России и США: конфликт как норма

Примечательно, что при обсуждении перспектив российско-американских отношений сегодня достаточно редко используется термин «нормализация» [1]. Представления о том, какие именно отношения между двумя странами следует считать *нормальными*, претерпели существенные изменения по сравнению со второй половиной 1980-х — началом 1990-х годов. Сегодня даже из уст прозападно настроенных российских экспертов не услышишь призывов вернуть отношения к тому состоянию, в каком они находились сразу после распада СССР. Взаимодействие России и США не просто осложняется грузом накопленных обид и системных противоречий — оно, помимо прочего, утратило свою идеальную форму, лишилось образа будущего, понятного для всех или хотя бы для лиц, принимающих политические решения.

Этот образ в том или ином виде существовал на протяжении большинства исторических периодов российско-американских отношений. В XVIII–XIX вв. в рамках «официальной дружбы» Россия и США рассчитывали на взаимопомощь в ходе различных внутри- и внешнеполитических осложнений, и в этом состоял смысл развития отношений двух стран. После идейного раскола по линии «демократия–авторитаризм», перешедшего в плоскость политического конфликта на рубеже XIX–XX вв., в Соединенных Штатах начал формироваться образ «будущей прекрасной свободной и демократической России — лучшего друга США», а в России наметились первые признаки демонизации Америки как источника внешней угрозы, что, впрочем, совершенно не мешало россиянам (а впоследствии жителям СССР) рассматривать американскую цивилизацию как источник передовых технологий и идеал для подражания в различных сферах жизни.

В результате Октябрьской революции 1917 г. и прихода к власти в России большевиков перспективы американского плана распространения свободы на просторах Евразии стали совершенно туманными, его место занял глубокий конфликтный антагонизм коммунизма и капитализма, опирающийся на идею неизбежного столкновения двух систем. Пройдя через разные фазы смягчения и ожесточения, этот антагонизм стал в 1991 г. одним из существенных факторов распада СССР, а затем, после краткого «медового месяца» в отношениях, снова вышел на поверхность в XXI в.

Проблемой современного периода является то, что Россия и США через сто с лишним лет и после множества попыток найти приемлемую форму мирного сосуществования, по сути, вышли к одной из исходных точек двустороннего взаимодействия: в США снова, как и на рубеже XIX–XX вв., видят в России «авторитарного монстра», представляющего угрозу для распространения принципов демократии и политической свободы во всем мире, а в России опять рассматривают США как агрессивную и враждебную российским интересам внешнюю силу. Несмотря на многочисленные трансформации экономического, политического, международного и технологического контекста, произошедшие с начала XX в., Россия и США так и не смогли вырваться из ценностного клинча, когда-то превратившего их из стратегических союзников в стратегических соперников.

Все испытанные в XX–XXI вв. варианты преодоления конфликта оказались неэффективными. Демократизация России после Февральской революции 1917 г. и в 1980–1990-х годах смогла сблизить наши страны лишь на очень короткое время. Выяснение отношений на поле боя (прямое, как во время Гражданской войны в России, и косвенное, как в странах третьего мира во время холодной войны) так и не выявило победителя, который мог бы продиктовать свою волю побежденному и тем самым устранить основания для дальнейшей конфронтации. Даже сотрудничество против общего врага во Второй мировой войне и противостояние международному терроризму после 11 сентября 2001 г., к которым часто апеллируют как к самым надежным основаниям для международного партнерства, не смогли превратить Россию и США из конкурентов в единомышленников, разделяющих общие фундаментальные ценности.

Конфликт, который не находит своего разрешения на протяжении столь длительного времени и воспроизводит сам себя даже в радикально изменившихся обстоятельствах, волей-неволей начинает восприниматься как разновидность нормы, стабильное состояние, к которому маятник отношений возвращается после любых пертурбаций. Поиск вариантов выхода из такого конфликта неизбежно приводит к набору известных исторических прецедентов, воспроизведение которых на новом этапе представляется совершенно бесперспективным. Кто в очередной раз поверит в то, что Россия станет «свободной и демократической» или что противостояние общему врагу будет иметь долговременные позитивные последствия? Кто снова сделает ставку на «единство цивилизационных ценностей» между Россией и Западом и перспективу гармонизации российско-американских отношений на этой основе? Да и перетягивание каната руками разнообразных «прокси» (доверенных лиц) в Азии, Африке и Латинской Америке совершенно очевидно не сможет расставить все точки над *i* и завершить вековое противостояние США и России каким-либо внятным образом.

Помимо исторической традиции, еще одним существенным фактором сохранения конфликтности в российско-американских отношениях в XXI в. служит ослабление позиций России в экономическом и технологическом плане. Это может показаться парадоксальным: обычно к конфликту ведет, наоборот, выравнивание потенциалов международных конкурентов, что мы и наблюдаем сегодня на примере США и Китая. Однако оказывается, что и обратный процесс иногда имеет аналогичные последствия. Утрата привычных позиций страны в международной табели о рангах после распада СССР требовала политической и психологической компенсации, и жесткое противостояние с США стало для современной России одной из форм такой компенсации. Возникла ситуация, при которой конфликт — это вовсе не однозначное зло. Напротив, согласно официальной трактовке событий, благодаря этому конфликту Россия получила возможность укрепить свой пошатнувшийся статус. Способность бросить вызов самой могущественной державе, выдержать напор международных санкций, найти выход из международной изоляции — все это составляет значимую часть политической стратегии современной России по преодолению объективного отставания от ведущих стран, сохранению своего места в клубе крупнейших международных игроков даже в условиях стагнирующей экономики и идейно-ценностных разногласий с Западом. «Хорошим поведением» в качестве младшего партнера США этого результата в 1990–2000-е годы добиться не удалось.

Экономические потери от санкций и резкого сокращения доступа к западным кредитам и технологиям оказались для России весьма болезненными, но выгоды, которые российские власти сумели извлечь из конфронтации, также нельзя сбрасывать со счетов (хотя этот тезис для многих идейно-политических оппонентов Кремля не представляется очевидным) [2].

Для Соединенных Штатов конфликт с Россией в XXI в. стал довольно неожиданным поворотом событий. Начиная с рубежа XX–XXI вв. в США готовились к противостоянию с «возвышающимся» Китаем, Россия в качестве соперника не рассматривалась всерьез. Однако когда российское руководство в конце 2000-х годов перешло от вербальной критики американской внешней политики к практическим шагам, направленным на противодействие интересам США, в том числе с использованием новых «гибридных» технологий, реакция американского политического истеблишмента и общественного мнения оказалась почти рефлекторной: статус «врага Америки» был тут же возвращен России, как будто холодная война никогда не кончалась, а Советский Союз не прекратил своего существования в 1991 г. «Россия как враг» оказалась для США более понятным и естественным участником международных взаимодействий, чем «Россия как партнер» или как «региональная держава», вставшая на путь постепенной демократизации. Двухпартийный антироссийский консенсус сформировался в Соединенных Штатах не только и не столько из-за однозначности негативной моральной оценки действий России на международной арене (в политике все не без греха), сколько из-за «политической привычки» — несколько поколений американцев выросло на идеях демонизации СССР, и превращение новой России в добропорядочного участника международной системы всегда воспринималось в США с изрядной долей скепсиса.

Совершенно очевидным и не нуждающимся в подробной аргументации выступает и востребованность российско-американского конфликта в качестве

инструмента внутренней политики в США и России. Именно создание «образа врага», а не обещания наладить пошатнувшиеся связи выступает сегодня более эффективным средством привлечения внимания избирателей для политической элиты двух стран. Возможно, что предвыборные обещания Трампа «поладить с Путиным» и добавили ему какое-то количество голосов на выборах 2016 г., но полное единодушие конгрессменов и сенаторов США в вопросах противодействия России в 2017–2019 гг. указывает, что именно антироссийский подход воспринимается сегодня в США как наиболее перспективный с электоральной точки зрения. В посткрымской России антиамериканизм точно так же возведен практически в ранг светской религии и приносит ощутимые политические дивиденды всем участникам существующей властной вертикали.

Таким образом, можно утверждать, что на уровне двустороннего взаимодействия конфликтность в российско-американских отношениях выступает сегодня разновидностью нормы, является стабильным состоянием, выход из которого требует приложения серьезных усилий, к которым Москва и Вашингтон вряд ли готовы. Эти усилия выглядят нецелесообразными, так как ни одна из сторон не видит смысла в быстром и кардинальном снижении напряженности. Существующее положение дел, при всей его внешней неприглядности, дает гораздо больше политических перспектив, чем гипотетическая разрядка.

Внутренние и внешние факторы развития современных российско-американских отношений

События, которые могут вывести российско-американские отношения из фазы враждебности, гипотетически могут произойти либо внутри каждой из стран, либо во внешней по отношению к США и России международной системе. Сценарий, отработанный в период горбачевской перестройки, когда после прихода в СССР к власти нового лидера-реформатора идеологическое противостояние в рамках холодной войны рассеялось, как дым, всего за несколько лет, вряд ли возможен в современной ситуации.

Горбачев пытался предложить программу идеологического обновления советского социализма, но недооценил глубину кризиса существовавшей системы, что привело к распаду СССР и фактическому исчезновению одного из полюсов глобальной биполярной конфронтации. В результате американская идеологическая модель оказалась на некоторое время де-факто единственной в мире, пережила момент полного триумфа, признаваемого в том числе и большинством жителей бывшего СССР.

Сегодня никакие реформы в России или США, ни один новый лидер не смогут воспроизвести подобную ситуацию — главным образом потому, что нынешнее российско-американское противостояние лишь в малой степени связано с идеологией. Между российскими и американскими консерваторами и либералами сегодня гораздо больше общего, чем между консерваторами и либералами внутри каждой из стран, но это не мешает России и США находиться в состоянии вражды и глубокого взаимного недоверия. Никакое «новое мышление» не сможет в современных условиях быстро устранить объективно существующие политические противоречия между нашими странами.

Кроме того, современные российско-американские отношения, как бы они ни складывались, уже не в состоянии так же быстро и радикально поменять политическую карту мира, как это сделало примирение сверхдержав в годы горбачевской перестройки. А вот влияние международной системы на отношения России и США может оказаться в нынешних реалиях очень существенным.

На протяжении первых двух десятилетий XXI в. международные отношения развивались в режиме, который характеризовался «деградирующей однополярностью» и возрастающей конкуренцией между странами и их объединениями за право называться новыми центрами силы [3]. На роль таких центров стали претендовать Китай, Россия, Индия, Бразилия, ШОС, АСЕАН и многие другие международные акторы. Одной из популярных стратегий «самоусиления» претендентов на международное политическое влияние была идеология антиамериканизма, противопоставления себя Соединенным Штатам, которые в это время без особого успеха пытались справиться с бременем единоличного глобального лидерства. Чем слабее становились США, чем больше ошибок на внешней арене совершало американское руководство, тем более перспективными оказывались критика и даже прямое противодействие политике Вашингтона и распространению американских ценностей [4].

Победа на президентских выборах 2016 г. Д. Трампа стала одним из проявлений кризиса, в котором оказались США после четвертьвекового единоличного доминирования на глобальной арене. Тот факт, что американских избирателей привлек кандидат, выступающий за отказ от многих международных обязательств прежних администраций, свидетельствовал о накопившемся утомлении и разочаровании в стратегии внешнеполитического активизма. Ядро существующей международной системы — Соединенные Штаты Америки — вошло в состояние острой внутренней нестабильности.

Такой политический поворот открыл окно возможностей для разнообразных международных оппонентов США, особенно для Китая, который уже давно ожидал удобного случая для трансформации накопленного экономического влияния в политический капитал. В теории любые потрясения американоцентричного мира дают Пекину хороший шанс для укрепления своих международных позиций — даже несмотря на то, что именно в рамках ведомой США глобализации Китайская Народная Республика достигла больших экономических высот.

В ситуации, когда многие политические инициативы Трампа носили откровенно антиглобалистский характер, у Китая появилась возможность сыграть на контрасте и попытаться представить себя в качестве альтернативного лидера «новой глобализации», глобализации без МВФ и «вашингтонского консенсуса», без унижительных политических условий и вмешательства во внутренние дела суверенных государств [5].

Данная политическая стратегия Китая после 2014 г. стала все больше входить в унисон с российским антиамериканизмом. Сближению Москвы и Пекина не смогли помешать ни сложная история взаимоотношений, ни существенные диспропорции в экономическом развитии, ни часто звучащие в России предостережения о потенциальной «китайской угрозе». Установка на формирование де-факто союзнических отношений особенно четко проявилась в 2018–2019 гг., после начала инициированной президентом Трампом американо-китайской «торговой войны». В ходе встреч российского и китайского лидеров, состоявшихся в 2018–2019 гг., В. Путин и Си Цзиньпин продемонстрировали единство мнений по всем ключевым

международным проблемам и договорились о выводе двустороннего сотрудничества на новый уровень. Это было воспринято многими американскими комментаторами как свидетельство создания полноценного российско-китайского союза, направленного против США [6].

По всей вероятности, именно характер развития отношений США и Китая станет в кратко- и среднесрочной перспективе важнейшим фактором развития отношений между США и Россией. Для этого можно увидеть несколько предпосылок.

Во-первых, решившись на открытый конфликт с Китаем, президент Трамп окончательно перевел и без того важнейшее направление двусторонних отношений США в статус ключевой проблемы внешней политики и национальной безопасности. И для Трампа, и для его преемников в Белом доме значимость отношений с Китаем будет теперь объективно перевешивать значимость всех других международных взаимодействий. Помимо прочего, это создает условия для снижения накала страстей вокруг России, постепенного перехода нынешнего российско-американского конфликта из острой в вялотекущую фазу.

Во-вторых, не совсем фантастической выглядит и перспектива укрепления взаимопонимания США с Россией на антикитайской почве. Уже в качестве свершившегося факта можно рассматривать стремление представителей разных частей политического спектра в США сделать все возможное, чтобы предотвратить формирование антиамериканской «оси» Пекин — Москва. В мае 2019 г. Министерство обороны США выпустило «Белую книгу» (сборник экспертных мнений под заголовком «Стратегические планы России»), один из авторов которой, профессор Дж. Аркилла, выдвинул предположение, что «мировой порядок и американское влияние на этот порядок могут быть перевернуты с ног на голову, если дружба между Москвой и Пекином будет крепнуть и дальше. Возможно, хорошей стратегией для США было бы разыграть “русскую карту” первыми» [7].

Примечательно, что эта точка зрения нашла полную поддержку авторов редакционной статьи либеральной «Нью-Йорк таймс», которые в июле 2019 г. даже сочли возможным высказать поддержку политической линии активно критикуемого по многим другим вопросам Д. Трампа: «...президент Трамп прав, когда он пытается наладить отношения с Россией и за счет этого вырвать ее из китайских объятий» (впрочем, буквально в следующем предложении Трампу снова досталось за то, что он развивает контакты с Москвой совершенно «неуклюже») [6].

В-третьих, в новой обстановке возникают и новые стимулы для повышения заинтересованности России в контактах с Соединенными Штатами. Обострение отношений с США заставит Китай более активно развивать именно антиамериканский компонент отношений с Россией, который до недавнего времени демонстративно отодвигался на второй план и ретушировался Пекином. Это может, с одной стороны, только приветствоваться российским руководством, но с другой — оказаться и не слишком выгодным для российских интересов. Дело в том, что полноценный союз Китая и России, не ограничивающийся риторикой о дружбе и совместными военными учениями, а подразумевающий глубокую стратегическую координацию внешней политики, может сегодня существовать только как союз ведущего и ведомого, старшего и младшего партнеров. Естественно, в силу сложившихся экономических и демографических обстоятельств России в этой модели приходится претендовать только на роль младшего партнера, что, конечно же,

является для нее совершенно неприемлемым. Поэтому, как только станет окончательно ясно, что теперь не Китай нужен России для противостояния санкционной войне западных стран, а, наоборот, Китай хотел бы привлечь Россию в качестве одного из инструментов давления на США, в Кремле могут попытаться этому воспрепятствовать. Выступать в роли вассала Поднебесной, уничтожающего ее врагов ради установления (или, в китайской интерпретации, *восстановления*) синоцентричного миропорядка, — на это Россию не сможет подвигнуть даже ее антиамериканизм, который при всей своей укорененности всегда носил сугубо прагматический характер.

Таким образом, события последних лет в американо-китайских отношениях в целом создают почву для нового движения маятника российско-американских отношений в сторону большего взаимопонимания. Однако это движение пока только гипотетическое, и на пути реализации данного сценария существует немало препятствий. Многие из них также носят фундаментальный характер.

Сформировавшаяся в период президентства В.Путина внешнеполитическая идеология опирается на постулат об исконной враждебности Запада во главе с США коренным национальным интересам России. Если в официальных документах этот тезис обычно постулируется в довольно обтекаемых выражениях, в менее формальных текстах он звучит со всей силой и прямотой [8]. Конечно, Россия имеет богатый опыт стремительной смены идеологических вех под давлением изменившихся обстоятельств, однако представляется, что современный антиамериканизм уже так глубоко проник в общественное сознание, что выкорчевать его отсюда будет очень нелегко. В этом плане он серьезно отличается от советского антиамериканизма, который в последние годы существования СССР носил преимущественно официозный характер и был легко преодолен в результате перестройки и горбачевского лозунга «нового мышления».

Похожая ситуация складывается и в США, где антироссийские настроения достигли в 2016–2019 гг. своего исторического пика. Примечательно, что даже отношение американцев к Китаю, который в последние годы официально именуется в правительственных документах соперником США, не несет в себе такого негативного эмоционального накала, как отношение к России. В марте 2019 г. 32 % американцев назвали Россию главной внешней угрозой для США, а Китай в качестве основного противника упомянул лишь 21 % участников опроса [9].

Известный американский специалист по Китаю, профессор Р. Саттер, обосновывая тезис о том, что отношения Вашингтона и Пекина объективно перешли в категорию «враждебных», указал на возросшее сотрудничество Китая и России при Си Цзиньпине. Таким образом, по мнению Саттера, «хороший» Китай стал «плохим», замаравшись сотрудничеством с «ужасной» Россией [10]. Подобное устройство иерархии «мирового зла» в сознании ведущих американских ученых, конечно же, не дает поводов для оптимизма в плане улучшения российско-американских отношений.

Фактором, активно подпитывающим взаимный негативный настрой российской и американской элит и препятствующим возможному сближению на антикитайской почве, выступает хорошо известный еще с XIX в. идейно-политический антагонизм американской демократии и российского авторитаризма. В этом разделении Россия и США традиционно оказываются по разные стороны баррикад.

Однако и политические практики современного Китая до недавнего времени подвергались в России мягкому осуждению: подразумевалось, что жесткость и даже жестокость существующих в Китае порядков не могут служить для России политическим ориентиром.

Вместе с тем при объяснении причин китайского «экономического чуда» многие российские публицисты и даже некоторые ученые часто указывали на избранную в 1989 г. политическим руководством КНР жесткую линию по отношению к либеральной оппозиции. Согласно распространенному мнению, сохранение политической стабильности любой ценой и постоянное расширение контроля государства над обществом стало в Китае залогом впечатляющего экономического роста и повышения благосостояния населения [11].

Еще несколько лет назад казалось, что Россия — это более свободная страна, чем Китай, и что многие меры, принимаемые руководством КНР для поддержания внутренней безопасности, никогда не войдут в политический арсенал российского руководства. В период президентства Дмитрия Медведева в 2008–2012 гг. тезис о том, что «свобода лучше, чем несвобода», на короткое время даже превратился в России в базовую политическую доктрину. Однако в настоящее время ценностный разрыв России и КНР в отношении к политическим свободам стремительно сужается. Причиной, конечно же, послужили и конфронтация России со странами Запада после присоединения Крыма, и постепенное объективное усиление консервативных настроений внутри российской элиты.

Но не менее важным фактором нового сближения авторитарных моделей власти в России и Китае стало, как ни странно, развитие информационного общества, появление новых цифровых технологий, которые, как выяснилось, не только расширяют пространство политической свободы, но и создают мощные стимулы для усиления контроля государства над обществом.

Примечательно, что цифровая революция стала вызовом не только и даже не столько для России и Китая, сколько для западных демократий — разразились скандалы, связанные с вторжением государственных спецслужб в частную жизнь граждан (история с Эдвардом Сноуденом), с публикацией секретных документов (Викиликс), с прослушкой разговоров лидеров иностранных государств и т. п. Все это нанесло серьезный урон политическому имиджу США и других стран, претендующих на статус ведущих защитников политических свобод и прав человека.

Китай, давно и открыто проводящий политику тотального государственного контроля над общественной жизнью и информационным пространством, стал выглядеть на этом фоне уже не так одиозно, как раньше. Китайскую Народную Республику по-прежнему можно было упрекать во многом, в том числе в нарушении прав человека, но точно не в лицемерии. Кроме того, благодаря многолетнему опыту использования средств фильтрации информационных потоков китайским властям удалось создать весьма эффективную модель «суверенного Интернета», которая в «посткрымский» период стала предметом пристального изучения (и попыток копирования) со стороны российских правительственных структур [12].

Так как цифровизация в ее разнообразных проявлениях (новые технологии передачи данных, кибербезопасность, проблема контроля над свободным распространением информации и т. п.) остается одним из ведущих трендов современно-

сти, ее влияние необходимо учитывать и при анализе международных отношений, в том числе в треугольнике Россия — США — Китай. Представляется, что в настоящее время фактор цифровизации препятствует развитию взаимодействия Москвы и Вашингтона и, наоборот, обеспечивает Россию и Китай некоторыми стимулами для расширения сотрудничества.

Сфера кибербезопасности остается в настоящее время одним из направлений, в которых достижения российских специалистов соответствуют самым высоким международным стандартам. У России есть все возможности для того, чтобы закрепить за собой статус одной из ведущих кибердержав. Однако при всех позитивных последствиях этого для продвижения национальных интересов приходится признать, что на наших глазах возникает еще одно фундаментальное основание для конфликта в российско-американских отношениях.

Технологии цифровых коммуникаций, в том числе связанные с развитием сети Интернет, исторически наиболее успешно развивались в американских военных и университетских лабораториях. Произнесенная как-то В. Путиным фраза о том, что «Интернет возник как проект ЦРУ, с тех пор так и развивается» [13], возможно, не совсем верна с фактической точки зрения, но в стратегическом смысле вполне отражает факт многолетнего американского контроля над цифровым пространством. Если на протяжении истории великие державы вели постоянные войны за обладание территориями, современные реалии неумолимо подталкивают их к борьбе за информационное интернет-пространство. К сожалению, для российско-американских отношений это не сулит ничего хорошего: слишком по-разному в Москве и Вашингтоне смотрят на перспективы цифрового регулирования [14; 15].

Вместе с тем и для российско-китайских отношений сотрудничество в цифровой сфере вряд ли сможет стать долговременным фактором взаимного притяжения. Нынешний российский интерес к китайскому опыту регулирования Интернета — это не более чем эпизод в истории «цифровых» отношений двух стран. В области совместного противостояния киберугрозам между Россией и Китаем не так уж много общего [16]. В силу специфики данной сферы, функционирующей в режиме повышенной настороженности и даже параноидальности, все национальные игроки киберпространства склонны не объединяться, а отгораживаться друг от друга, исходя из опасений внешнего несанкционированного вмешательства. В этом отношении у российских властей вряд ли есть основания полагать, что «китайские хакеры» представляют меньшую угрозу для российской национальной безопасности, чем американские. Таким образом, в реалиях сегодняшнего дня очередной этап цифровой революции привел к общему росту взаимного недоверия между государствами, и сотрудничество в сфере кибербезопасности пока делает еще только самые первые шаги.

Среди факторов взаимного сближения и отталкивания в международных отношениях традиционно важную роль играют личные качества политических лидеров и их взаимные симпатии и антипатии. В треугольнике Россия — США — Китай в этом плане сегодня складывается очень интересная ситуация. Межличностные отношения В. Путина, Д. Трампа и Си Цзиньпина совершенно определенно нельзя отнести к разряду враждебных. Их двусторонние контакты проходят обычно во вполне дружественной атмосфере. Но, к сожалению, это не помешало отношениям

США с Россией и Китаем дойти при Трампе до своей самой низкой точки за многие десятилетия.

Примечательно, что после избрания Трампа президентом США именно он чаще всего выступает ньюсмейкером в отношениях с Москвой и Пекином. В предшествующий период, во время второго президентского срока Б. Обамы, «возмутителем спокойствия» в отношениях чаще выступал В. Путин. Китайский лидер Си Цзиньпин с момента занятия высших постов в стране в 2011 г. демонстрировал гораздо более сдержанную и выжидательную позицию по отношению к России и США (хотя на других направлениях внутренней и внешней политики он показал себя довольно решительным реформатором, особенно по сравнению со своим предшественником Ху Цзиньтао).

Учитывая, что Д. Трампа уже в 2020 г. ждет избирательная кампания, а Путин и Си не испытывают подобного электорального давления, можно ожидать, что Соединенные Штаты в ближайшее время сохранят свою инициативную роль в трехсторонних отношениях (а если Трампу удастся переизбраться, тогда эта ситуация растянется еще на четыре года). К сожалению, в силу специфики политического стиля Д. Трампа высказываемые им симпатии по отношению к зарубежным лидерам, а также разнообразные инициативы редко ведут к объективному росту взаимопонимания и сотрудничества. Единственным объективным и неоспоримым следствием «трампизации» мировой политики к настоящему времени стало выведение из состояния равновесия множества застарелых конфликтов и проблемных ситуаций. Возможно, даже не всегда отдавая себе отчет в собственных действиях, американский президент часто действует как разрушитель статус-кво, катализатор изменений, которые совершенно не обязательно в средне- и долгосрочной перспективе окажутся выгодными для американских интересов. Причем действовать в этом качестве Трампу не может помешать даже знаменитая американская система сдержек и противовесов. Американские суды или американский конгресс в состоянии заблокировать отдельные решения президента, но его твиты, вводящие в ступор мировые фондовые рынки, не подлежат никакой премодерации и уверенно раскачивают лодку международной системной стабильности.

Недоумение вызывает лишь то, что эта система, настойчиво выводимая Трампом из состояния равновесия, до недавнего времени считалась американоцентричной, подчиняющейся в целом принципам, сформулированным несколькими поколениями вашингтонской элиты. Сегодня это уже вряд ли соответствует действительности. Американское политическое руководство, Трамп и представители его команды, сделали за пару лет то, что на протяжении гораздо более долгого времени и с гораздо меньшим успехом пыталась сделать Россия и другие критики Америки: представить США в качестве ненадежного, неэффективного, непредсказуемого игрока на мировой арене.

Китай, США, Россия и проблема стабильности в современной системе международных отношений

Естественно, было бы непозволительным упрощением представлять «китайский фактор» как абсолютную доминанту развития российско-американских отношений. Взаимодействие Москвы и Вашингтона, несмотря ни на что, остается од-

ним из наиболее содержательных направлений двусторонних международных отношений в современном мире. Такой насыщенной повесткой взаимных контактов могут похвастаться очень немногие акторы глобальной политики. Среди пунктов этой повестки имеется несколько традиционных сюжетов, вызывающих взаимный интерес и объективно способствующих сближению двух стран. Сотрудничество в космосе, противостояние международному терроризму, борьба за ядерное нераспространение, решение глобальных проблем окружающей среды и т. п. — все это при благоприятных условиях может стать хорошей основой для выхода из состояния конфронтации.

Однако и разнообразных проблем, способных отправить российско-американские отношения на новый виток конфликтной спирали, в современном мире более чем достаточно. Это и региональные горячие точки (Украина, Сирия, Венесуэла), и новый этап гонки стратегических вооружений, и разного рода ценностные конфликты [17]. Почему же, по нашему мнению, на китайский фактор стоит обратить особое внимание?

Это связано с тремя обстоятельствами. Во-первых, с масштабом назревающего конфликта между США и Китаем. Это ни более ни менее — конфликт за лидерство в глобальной политической и экономической системе. При любом развитии событий Россия, равно как и все другие участники международных взаимодействий, не сможет остаться здесь в роли равнодушного наблюдателя.

Во-вторых, значимость китайского фактора связана с динамикой, которую придал развитию китайско-американских отношений Д. Трамп и которую теперь будет трудно снизить следующим президентам США. Конфликт США и Китая уже не просто назревает — он переходит на наших глазах в новую, скорее всего весьма бурную, фазу.

И в-третьих, для России исход американско-китайского соперничества важен не только потому, что Россия — одна из великих держав и участниц мировой системы отношений, но и в связи с тем, что Китай — это сосед России, конфронтация с которым уже имела для нашей страны много неприятных последствий [18]. И это притом что ни один из исторических российско-китайских конфликтов не происходил в условиях такого дисбаланса экономических и демографических возможностей между нашими странами (причем не в пользу России), какой мы имеем сегодня. Казалось бы, о чем переживать, если именно в результате осложнения отношений Китая и США российско-китайское партнерство вышло сегодня на самый высокий уровень за всю историю? Однако именно в этой однозначности, предопределенности российско-китайской дружбы внешними обстоятельствами как раз и скрывается настоящая угроза. Партнерство между государствами может быть устойчивым и эффективным только в том случае, если оно базируется на фундаменте общих ценностей, а не только на общем стремлении «насолить» ослабевшему глобальному гегемону.

Дестабилизация международной системы, при которой России придется делать однозначный выбор в пользу США или Китая, — это один из самых страшных геополитических кошмаров, с которым наша страна может столкнуться в нынешних обстоятельствах.

Вместе с тем во втором десятилетии XXI в. большинство игроков мировой политики делали ставку скорее не на сохранение и укрепление сложившихся между-

народных институтов, а на их ревизию и иногда даже ликвидацию. Подобное поведение было характерно в разных формах и для США, и для России, и для Китая, и для многих других стран. Частично такая стратегия была естественной реакцией на кризисы и носила объективный характер. Однако представляется, что в настоящее время ставка на ревизионизм в международных отношениях совершенно очевидно стала выходить из под контроля некогда инициировавших его политиков и приобретать крайне опасный и неуправляемый характер. Ревизионизм больше не работает как метод борьбы с «зарвавшимся» гегемоном — он сам начинает занимать место этого гегемона. Теперь уже не США с их «превентивными ударами» по всему миру представляют главную угрозу — угроза исходит от самого мира, который, не выдержав свалившихся на него потрясений, начинает трещать по швам и разваливаться на части.

В связи с этим снова ставший за последние годы привычным и в чем-то даже удобным конфликтный модус развития российско-американских отношений начинает все меньше соответствовать долгосрочным интересам двух стран. Поддержание определенного уровня напряженности в отношениях между сверхдержавами в период холодной войны вполне соответствовало реалиям биполярного мира, задавало параметры международной системы. Противодействие давлению США на этапе «однополярности по-американски» также имело некий смысл, так как удерживало washingtonских лидеров от наиболее импульсивных решений. Но в современных условиях эта напряженность между Россией и США уже не носит самодостаточного характера и не помогает решать международные проблемы, а все больше превращается в инструмент борьбы третьих стран за место в новой мировой политической иерархии. На российско-американском конфликте зарабатывают очки политики Китая, Индии, стран Латинской Америки, Европейского союза. Причем во многих случаях это совсем не те политики, с которыми Россия хотела бы иметь дело в нормальных обстоятельствах. Оказывая им поддержку во имя противодействия Америке, Россия лишает себя многих важных политических перспектив, упускает экономические возможности, отстает от конкурентов в технологическом развитии. Но, что самое неприятное, конфликтует с Соединенными Штатами, Россия самоустраняется от исполнения важнейшей и естественной для нее в силу объективных обстоятельств роли балансирующего центра мировой системы, моста между Западом и Востоком.

Первоочередной стратегической задачей современной российской внешней политики следует признать создание максимально широкой международной коалиции, направленной на предотвращение конфликтного сценария развития американо-китайских отношений. И дружба с Китаем «против Америки», и постоянно воспроизводимый конфликт с США не отодвигают, а приближают эту перспективу, весьма неблагоприятную для российских национальных интересов. Для решения упомянутой задачи Россия должна стремиться к скорейшему урегулированию конфликтов с соседями, восстановлению нормальных рабочих отношений со странами Запада, приобретению репутации ответственного и умеренного в политических подходах участника международной системы. Для Соединенных Штатов, столкнувшихся с «китайским вызовом», было бы максимально выгодным способствовать России в реализации подобной политической стратегии. Да и Китайская Народная Республика, получившая такие огромные дивиденды от возглавляемой США гло-

бализации, совершенно точно только выиграла бы от переноса «решающей битвы» с США за глобальное лидерство на более отдаленную перспективу.

Литература

1. *Войтоловский Ф. Г.* Пределы и перспективы нормализации повестки российско-американских отношений // Пути к миру и безопасности. 2016. № 2 (51). С. 7–14.
2. *Телегина Е. А., Халова Г. О.* Санкции и торговые войны как индикаторы трансформации мирового хозяйства, возможности для России // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 2. С. 13–20.
3. *Ширяев Б. А., Богданов А. Н.* Стратегия глобальной гегемонии США в начале XXI в.: цели и итоги // Труды кафедры американских исследований. Сборник статей Памяти Нины Владимировны Бахаревой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. С. 143–164.
4. *Gudkov L.* Structure and Functions of Russian Anti-Americanism: Mobilization Phase, 2012–2015 // Russian Social Science Review. 2018. Vol. 59, is. 4. P. 332–382.
5. *Bolton K.* Will China Assume the Leadership of Globalization? // Foreign Policy Journal. 2017, Apr 7. URL: <https://www.foreignpolicyjournal.com/2017/04/07/will-china-assume-the-leadership-of-globalization/> (дата обращения: 20.07.2019).
6. What's America's Winning Hand if Russia Plays the China Card? // The New York Times. 2019, July 21. URL: <https://www.nytimes.com/2019/07/21/opinion/russia-china-trump.html> (дата обращения: 07.08.2019).
7. Russian Strategic Intentions. A Strategic Multilayer Assessment (SMA) White Paper. May 2019. URL: <https://www.politico.com/f/?id=0000016b-a5a1-d241-adff-fd908e00001> (дата обращения: 09.06.2019).
8. *Лавров С.* Историческая перспектива внешней политики России // Россия в глобальной политике. 2016. 3 марта. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18017> (дата обращения: 22.05.2019).
9. *Saad L.* Majority of Americans Now Consider Russia a Critical Threat // Gallup. 2019, February 27. URL: <https://news.gallup.com/poll/247100/majority-americans-consider-russia-critical-threat.aspx> (дата обращения: 07.06.2019).
10. *Sutter R.* China—Russia Cooperation: Three Implications for America's China Policy Debate // PacNet, 2019, no. 46. URL: <https://www.pacforum.org/analysis/pacnet-46-%E2%80%93-China—Russia-cooperation-three-implications-americas-china-policy-debate> (дата обращения: 07.07.2019).
11. *Ларин А. Г.* Китайская модернизация: некоторые подсказки для России // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 4. С. 56–69.
12. *Ковачич Л.* Китайский пример заразителен // Ведомости. 28.01.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/01/28/792659-primer> (дата обращения: 02.08.2019).
13. Путин: Интернет возник как проект ЦРУ, так и развивается // Вести.ru. 24.04.2014. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=1512663> (дата обращения: 04.08.2019).
14. *Малько А. В., Солдаткина О. Л.* Информационно-правовая политика в современном обществе: сравнительный анализ // Сравнительная политика. 2019. Т. 10, № 1. С. 42–58.
15. *Стадник И., Цветкова Н.* Политика кибербезопасности США // Международные процессы. 2018. Т. 16, № 3. С. 157–169.
16. *Нежелский А. А.* Теоретические основы исследования информационных войн и информационной безопасности государства // Власть. 2018. Т. 26, № 6. С. 70–74.
17. *Khudoley K.* Russia and the USA: Cool War Ahead? // Teoriia in praksa. 2019. Vol. 56, no. 1. P. 98–117.
18. *Попов И. М.* Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М.: АСТ; Астрель; Ермак, 2004. 511 с.

Статья поступила в редакцию 25 августа 2019 г.

Статья рекомендована в печать 3 октября 2019 г.

Контактная информация:

Цветков Иван Александрович — канд. ист. наук, доц.; ivan558@mail.ru, 9064175@gmail.com

US—China rivalry as a factor of the contemporary US—Russia Relations

I. A. Tsvetkov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Tsvetkov I. A. US—China rivalry as a factor of the contemporary US—Russia relations. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2019, vol. 12, issue 4, pp. 406–421. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.401> (In Russian)

The history of Russian-American relations in the 20th–21st centuries shows that long periods of confrontation between the two countries gave way to periods of cooperation and mutual understanding only for a very limited time. The temporary normalization of Russian-American relations happened only during periods of global crisis, and the more serious a crisis was, the more successful the cooperation between Moscow and Washington. This article discusses the factors that contributed to the transformation of the conflict into a familiar and even normative state of relations between Russia and the United States. Along with this, an analysis of changes in the international situation in the newest period has been made, with particular attention paid to problems in US-Chinese relations during the presidency of Donald Trump. The author assumes that at the present time only the influence of external factors is capable of changing the existing conflict balance in relations between Russia and the United States. How this balance will change: towards further deepening the already serious contradictions, with the prospect of Russia becoming involved in a new global confrontation between the USA and China, or towards improving relations and strengthening international security — will depend on foreign policy strategies chosen by leaders of the United States, China and Russia. The author considers the creation of the widest possible international coalition aimed at preventing a conflict scenario of US-Chinese relations to be the strategy that takes into account the interests of all parties involved. For its implementation, Russia should strive to resolve conflicts with its neighbors as soon as possible, restore normal working relations with Western countries, and gain a reputation as a responsible and moderate actor in the international system.

Keywords: Russian-American relations, US-China relations, Russian-Chinese relations, the struggle for global leadership.

References

1. Voitovskii, F. G. (2016), The limits of and prospects for normalization of the agenda of the Russia-US relations. *Puti k miru i bezopasnosti*, no. 2 (51), pp. 7–14. (In Russian)
2. Telegina, E. A., Halova, G. O. (2019), Sanctions and Trade Wars as Indicators of Transformation of the World Economy. Opportunities for Russia. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, vol. 63, no. 2, pp. 13–20. (In Russian)
3. Shiryaev, B. A., Bogdanov, A. N. (2019), US Global Hegemony Strategy at the Beginning of the 21st Century: Goals and Interim Results of its Implementation. *Trudy kafedry amerikanskikh issledovani. Sbornik statei Pamiati Niny Vladimirovny Bakharevoi*. St. Petersburg, pp. 143–164. (In Russian)
4. Gudkov, L. (2018), Structure and Functions of Russian Anti-Americanism: Mobilization Phase, 2012–2015. *Russian Social Science Review*, vol. 59, is. 4, pp. 332–382.
5. Bolton, K. (2017), Will China Assume the Leadership of Globalization? *Foreign Policy Journal*, Apr 7, available at: <https://www.foreignpolicyjournal.com/2017/04/07/will-china-assume-the-leadership-of-globalization> (accessed: 20.07.2019).
6. What's America's Winning Hand if Russia Plays the China Card? *The New York Times*, July 21, 2019, available at: <https://www.nytimes.com/2019/07/21/opinion/russia-china-trump.html> (accessed: 07.08.2019).
7. *Russian Strategic Intentions. A Strategic Multilayer Assessment (SMA) White Paper*, May 2019, available at: <https://www.politico.com/f/?id=0000016b-a5a1-d241-adff-fdf908e00001> (accessed: 09.06.2019).

8. Lavrov, S. (2016), Russia's Foreign Policy in a Historical Perspective. *Rossiiia v global'noi politike*, no. 2, available at: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18017> (accessed: 22.05.2019). (In Russian)
9. Saad, L. (2019), Majority of Americans Now Consider Russia a Critical Threat. *Gallup*, February 27, available at: <https://news.gallup.com/poll/247100/majority-americans-consider-russia-critical-threat.aspx> (accessed: 07.06.2019).
10. Sutter, R. (2019), China—Russia Cooperation: Three Implications for America's China Policy Debate. *PacNet*, no. 46, available at: <https://www.pacforum.org/analysis/pacnet-46-%E2%80%93-China—Russia-cooperation-three-implications-americas-china-policy-debate> (accessed: 07.07.2019).
11. Larin, A. G. (2011), The Chinese Modernization: Prompts for Russia. *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 4, pp. 56–69. (In Russian)
12. Kovachich L. Chinese example is contagious. *Vedomosti*, 28.01.2019, available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/01/28/792659-primer> (accessed: 02.08.2019). (In Russian)
13. Putin: the Internet arose as a CIA project, and is developing. *Vesti.ru*, 24.04.2014, available at: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=1512663> (accessed: 04.08.2019). (In Russian)
14. Malko, A. V., Soldatkina, O. L. (2019), Legal aspects of information policy in the modern society: a comparative analysis. *Sravnitel'naia politika*, vol. 10, no. 1, pp. 42–58. (In Russian)
15. Stadnik, I., Cvetkova, N. (2018), United States Cybersecurity Policy. *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 16, no. 3, pp. 157–169. (In Russian)
16. Nezhefskiy, A. A. (2018), Theoretical bases of research of information wars and information security of the state. *Vlast'*, vol. 26, no. 6, pp. 70–74. (In Russian)
17. Khudoley, K. (2019), Russia and the USA: Cool War Ahead? *Teoriia in praksa*, vol. 56, no. 1, pp. 98–117.
18. Popov, I. M. (2004), *Russia and China 300 years on the brink of war*. AST Publ., Astrel' Publ., Ermak Publ., Moscow. (In Russian)

Received: August 25, 2019

Accepted: October 3, 2019

Author's information:

Ivan A. Tsvetkov — PhD (History), Associate Professor; ivan558@mail.ru, 9064175@gmail.com